

Теория и современная практика сдерживания в международной безопасности

Тодор Тагарев

Центр менеджмента безопасности и обороны, Институт ИКТ Болгарской академии наук, <http://www.iict.bas.bg/EN>

Резюме: Теория сдерживания возникла с появлением ядерного оружия для решения проблем подготовки и предотвращения полномасштабной ядерной войны между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Статьи в этом специальном выпуске вписаны в контекст периода после окончания Холодной войны с возрождающейся и агрессивной Россией. В сборнике статей дается краткое описание теории сдерживания, нынешней практики ее применения для сдерживания и, при необходимости, защиты с помощью обычных сил НАТО и восточного фланга Европы от агрессии, а также критический анализ ее связи с кибер и гибридной войной.

Ключевые слова: сдерживание, НАТО, восточный фланг, передовое присутствие сил на передовых рубежах, конвенциональные силы, киберсфера, кибербезопасность, кибероперации, правовая основа, гибридное влияние.

Сдерживание практиковалось на протяжении веков, чтобы отговорить оппонента от использования курса действий, связанного с принуждением, например, от вооруженного нападения. Эта концепция стала предметом жесточенных дебатов с появлением ядерного оружия. К 1960-м годам ра-

боты Бернарда Броди,¹ Германа Кана,² Гленна Х. Снайдера,³ Томаса С. Шеллинга⁴ и других сформировали совокупность знаний, позволяющих разработать стратегии и политику для ядерного противостояния во время Холодной войны и избежать ядерного конфликта.

Применение теории сдерживания во время Холодной войны привело к равновесию между ядерными арсеналами двух ведущих ядерных держав – Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, что гарантировало, что в случае полномасштабной ядерной войны как нападающая, так и обороняющаяся стороны будут уничтожены.⁵

С ядерной разрядкой и окончанием Холодной войны интерес к теории сдерживания утих. На практике сдерживание все еще гарантировалось, хотя и на более низком уровне сил. Например, в то время как в конце Холодной войны Соединенные Штаты поддерживали около 7300 единиц ядерного оружия, развернутых в Европе для обеспечения гарантий безопасности союзникам по НАТО, с тех пор эти силы были сокращены на 90 процентов.⁶

Интерес к сдерживанию возобновился в последние годы. Одной из причин было приостановление действия Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) в начале 2019 года⁷ и предстоящее истечение срока действия Нового договора о сокращении стратегических вооружений (новый СНВ),⁸ а также необходимость найти новый баланс с учетом ядерных

¹ Bernard Brodie, ed., *The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order* (New York: Harcourt, Brace and Company, 1946); Bernard Brodie, *Strategy in the Missile Age* (Santa Monica, CA: RAND, 1969).

² Herman Kahn, *On Thermonuclear War* (Princeton: Princeton University Press, 1960).

³ Glenn H. Snyder, *Deterrence and Defense: Toward a Theory of National Security* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1961).

⁴ Thomas C. Schelling, *The Strategy of Conflict*, with a new preface by the author (Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980); Thomas C. Schelling, *Arms and Influence*, with a new preface and afterword (New Haven: Yale University Press, 2008).

⁵ James E. Doyle, "Why Eliminate Nuclear Weapons?" *Survival* 55, no. 1 (2013): 7-34, <https://doi.org/10.1080/00396338.2013.767402>; Tom de Castella, "How Did We Forget about Mutually Assured Destruction?" *BBC News*, February 15, 2012, <https://www.bbc.com/news/magazine-17026538>.

⁶ Jessica Cox, "Nuclear Deterrence Today," *NATO Review*, June 8, 2020, www.nato.int/docu/review/articles/2020/06/08/nuclear-deterrence-today/index.html.

⁷ Simon Lunn and Nicholas Williams, "The Demise of the INF Treaty: What Are the Consequences for NATO," *Policy Brief*, European Leadership Network, February 11, 2019, <https://www.europeanleadershipnetwork.org/policy-brief/the-demise-of-the-inf-treaty-what-are-the-consequences-for-nato/>.

⁸ Kingston Reif, "New START at a Glance," *Fact Sheets & Briefs*, Arms Control Association, January 2020, <https://www.armscontrol.org/factsheets/NewSTART>.

возможностей других игроков, в частности Китая.⁹ Другая причина – незаконная аннексия Крымского полуострова Российской Федерацией и ее агрессивные кибер и гибридные действия против членов и партнеров НАТО.

В этом специальном выпуске *Connections: The Quarterly Journal* основное внимание уделяется вышеупомянутым действиям и использованию обычных, кибер средств и средств дезинформации для сдерживания агрессии.

В первой работе полковник Даррелл Драйвер, директор департамента европейских исследований Военного колледжа армии США, закладывает фундамент, рассматривая теоретические основы сдерживания и две его основные концепции – сдерживание наказанием и сдерживание восприятием.¹⁰ На этой основе д-р Драйвер критически оценивает позицию НАТО на его восточном фланге и приходит к выводу, что за счет «усиленного передового присутствия» в странах Балтии и Польше, «адаптированного передового присутствия» в Болгарии и Румынии, регулярных учений в Черном море, создания Совместной оперативной группы очень высокой готовности (СОВГ) и создания формирований для интеграции сил НАТО (ФИСН) в семи странах восточного фланга, союзники уже «дали свой вклад», таким образом обеспечивая единый ответ Североатлантического союза на акт агрессии и делая неизбежным ответный удар НАТО. С увеличением оборонных бюджетов в соответствии с обещанием, принятым на саммите в Уэльсе, Европейской инициативой сдерживания Соединенных Штатов, так называемым решением «четырёх 30» на саммите НАТО в Брюсселе и развитием «военного Шенгена» в Европе, союзники уже переходят от сдерживания наказанием к сдерживанию восприятием.

Полковник Драйвер также напоминает нам о требованиях к защите и сдерживанию, сформулированных генерал-лейтенантом (в отставке) Беном Ходжесом, бывшим командующим армией США в Европе, для обеспечения эффективного раннего предупреждения, наличия боеспособных национальных сил, соответствующей инфраструктуры и предварительно размещенных запасов.¹¹ Велизар Шаламанов, Павел Анастасов и Георги Цветков развивают этот момент дальше, начиная с ангажемента относительно оборонных бюджетов, принятого на саммите в Уэльсе и его реализации на национальном уровне на примере Болгарии.¹² Затем авторы рассматривают

⁹ Lunn and Williams, "The Demise of the INF Treaty."

¹⁰ Darrell W. Driver, "Deterrence in Eastern Europe in Theory and Practice," *Connections: The Quarterly Journal* 18, no. 1-2 (2019): 11-24.

¹¹ Ben Hodges, Janusz Bugajski, and Peter B. Doran, "Securing the Suwałki Corridor: Strategy, Statecraft, Deterrence, and Defense" (Washington, DC: Center for European Policy Analysis, July 2018).

¹² Velizar Shalamanov, Pavel Anastasov, and Georgi Tsvetkov, "Deterrence and Defense at the Eastern Flank of NATO and the EU: Readiness and Interoperability in the Context of Forward Presence," *Connections: The Quarterly Journal* 18, no.1-2 (2019): 25-42.

опыт сотрудничества в сфере обороны в Восточной и Юго-Восточной Европе, подчеркивают преимущества многонационального приобретения необходимых способностей и подробно исследуют потенциальные многонациональные форматы, инициативы и источники финансирования, уделяя особое внимание приобретению информационных и коммуникационных технологий, сенсоров и систем командования и управления или систем C4ISR, а также многонациональному образованию и обучению. Многонациональные формирования на тактическом уровне и проекты по приобретению, реализуемые в формате НАТО и/или ЕС, вносят свой вклад в развитие оперативно совместимых способностей и солидарности, и, таким образом, в более эффективную защиту восточного фланга Европы.

В третьей статье этого номера Рослав Ежевский закладывает основу для обсуждения применимости концепции сдерживания действий, связанных с принуждением, с использованием набора гибридных инструментов.¹³ В случае с Латвией автор демонстрирует как Россия пытается влиять на национальный курс в своих интересах, сочетая экономическое и финансовое влияние, коррупцию, эксплуатацию меньшинства граждан русского происхождения, пропагандистские и дезинформационные кампании, организованную преступность в России и широкомасштабные военные учения, проводимые на границах страны. Автор предлагает идеи о том, как защититься, если не сдержат, такую принуждающую деятельность, включая примеры из опыта Финляндии. Тем не менее, заключает он, «междоменное принуждение усилится, и Россия будет проверять сплоченность НАТО».

Кибератаки и кампании дезинформации в сетевых СМИ являются одними из основных инструментов гибридного влияния. Следующие две статьи посвящены применимости концепции сдерживания к киберпространству. Во-первых, Мика Керттунен из Института киберполитики в Тарту, Эстония, излагает критику теории сдерживания в целом и ее применимости к киберпространству, в частности.¹⁴ Среди аргументов в подтверждение последнего положения, автор указывает на изменившийся контекст для киберсдерживания (по сравнению с применением ядерного оружия), соответственно, более высокую степень терпимости к кибератакам, более широкий спектр подходов к сдерживанию и использование более тонких инструментов, в том числе позитивных программ с наградами. В своем заключении г-н Керттунен заявляет, что «сдерживание – это громоздкий и неподходящий инструмент для понимания киберсферы».¹⁵

¹³ Rosław Jeżewski, "Cross-domain Coercion as Russia's Endeavor to Weaken the Eastern Flank of NATO: A Latvian Case Study," *Connections: The Quarterly Journal* 18, no. 1 (2019): 43-60.

¹⁴ Mika Kerttunen, "Beyond Punishment: Deterrence in the Digital Realm," *Connections: The Quarterly Journal* 18, no. 1 (2019): 61-68.

¹⁵ Kerttunen, "Beyond Punishment: Deterrence in the Digital Realm," 67.

С другой стороны, Мануэль Фишер утверждает, что хотя киберсфера требует некоторых особых соображений, сдерживание как «классический инструмент» в международных отношениях может укреплять интересы национальной безопасности.¹⁶ Фишер, выпускник магистерской программы исследований по международной безопасности Европейского центра исследований по вопросам безопасности им. Джорджа К. Маршалла, рассматривает последствия концепции сдерживания для киберпространства по шести направлениям: время, наличные «силы» (ответственные организации с учетом уязвимостей цепочки поставок), выживание, средства защиты и потенциал, а также проблемы атрибуции – с последующим изучением правовых рамок для включения кибер-деятельности в международные отношения. На основе анализа, представленного в этом специальном выпуске, Фишер приходит к выводу, что «[даже] в киберэпохе сдерживание может быть мощным инструментом государственности и способствовать защите интересов государства в области национальной безопасности.¹⁷

Хотя Мика Керттунен и Мануэль Фишер, кажется, придерживаются противоположных взглядов, их выводы не так уж сильно отличаются. Хотя и в разной степени, оба автора видят ограничения *сдерживания посредством наказания/возмездия* в киберпространстве и отдают предпочтение сдерживанию посредством воспреещения, в том числе посредством соответствующего дизайна сетей, лучшей защиты, повышения устойчивости, государственно-частного партнерства и т.д. Они также указывают на ценность более позитивных подходов, на необходимость усиления международных режимов для обеспечения «сдерживания с помощью нормативных табу» и на построение взаимозависимостей в международной системе, или на так называемого «сдерживания путём обвязывания».¹⁸

В докладе Тамары Малиарчук, Юрия Даника и Чада Бриггса рассматривается использование кибератак против энергетической инфраструктуры в качестве одного из инструментов в наборе средств, используемых Российской Федерацией в ее продолжающемся противостоянии с Украиной.¹⁹ Текущая украинская доктрина рассматривает такие кибератаки (постоянные комплексные угрозы, атаки на системы промышленного контроля) наряду с использованием социальных сетей, атаками на банковскую систему и использованием уязвимостей цепочки поставок. Как и в предыдущих двух статьях этого выпуска, авторы идентифицируют более совершенную защиту, отказоустойчивость и безопасность цепочки поставок в качестве ключевых факторов защиты от кибератак.

¹⁶ Manuel Fischer, "The Concept of Deterrence and its Applicability in the Cyber Domain," *Connections: The Quarterly Journal* 18, no. 1 (2019): 69-92.

¹⁷ Fischer, "The Concept of Deterrence and its Applicability in the Cyber Domain," 70.

¹⁸ Fischer, "The Concept of Deterrence and its Applicability in the Cyber Domain," 90.

¹⁹ Tamara Maliarchuk, Yuriy Danyk, and Chad Briggs, "Hybrid Warfare and Cyber Effects in Energy Infrastructure," *Connections: The Quarterly Journal* 18, no. 1 (2019): 93-110.

Весна Павичич завершает этот выпуск анализом положения Сербии на международной арене.²⁰ Хотя европейская интеграция кажется очевидным выбором, интересы таких игроков, как Россия и Китай, и инструменты, которые они используют для продвижения своих интересов (в частности, те, которые используются Россией – изощренная пропаганда со ссылками на исторические связи, православное христианство, позиция по вопросу о независимости Косово, зависимость от поставок газа и нефти, сотрудничество в сфере обороны и т.д.), делают будущий путь Сербии неопределенным. Автор видит средства против гибридного влияния в комплексной безопасности, политическом и экономическом диалоге с Европейским союзом, более сильном гражданском обществе, более прозрачной и свободной прессе и сдвигах в политической риторике.

* * *

В этом специальном выпуске представлен обзор теории сдерживания и ее применимости на восточном фланге НАТО и Европы в отношении агрессивной политики и действий Российской Федерации, которые включают использование вооруженных сил против партнеров НАТО, Украины и Грузии, и более изощренные кибератаки и гибридные операции по влиянию как на членов НАТО, так и на партнеров.

Включенные здесь статьи рассматривают вопросы использования обычных вооруженных сил, киберсредств и способов повышения устойчивости вооруженных сил, экономики и общества. Меньше внимания уделялось применению концепции сдерживания к гибридной войне полного спектра,²¹ роли ядерного оружия в предотвращении *fait accompli* (ситуации, когда ставят перед свершившимся фактом), обращению вспять или сохранению достижений гибридной операции,²² а также взаимодействию кибер / гибридных атак и ядерных угроз. Все эти темы заслуживают дальнейшего рассмотрения в будущем специальном выпуске *Connections: The Quarterly Journal*.

²⁰ Vesna Pavičić, "Serbia's Orientation Challenge and Ways to Overcome It," *Connections: The Quarterly Journal* 18, no. 1 (2019): 111-127.

²¹ Alexander Lanoszka, "Russian Hybrid Warfare and Extended Deterrence in Eastern Europe," *International Affairs* 92, no.1 (2016): 175-195; Andrew Radin, *Hybrid Warfare in the Baltics: Threats and Potential Responses* (Santa Monica, CA: RAND, 2017).

²² Peter Apps, "Commentary: Putin's Nuclear-tipped Hybrid War on the West," Reuters, March 2, 2018, <https://uk.reuters.com/article/us-apps-russia-commentary-idUKKC N1GD6H2>; Gustav Gressel, "Protecting Europe against Hybrid Threats," *Policy Brief*, European Council on Foreign Relations, June 25, 2019, https://ecfr.eu/publication/protecting_europe_against_hybrid_threats/.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами автора и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Издание *Connections: The Quarterly Journal*, том 18, 2019 осуществляется при поддержке правительства Соединенных Штатов.

Об авторе

Тодор Тагарев - профессор Института информационных и коммуникационных технологий Болгарской академии наук и руководитель его Центра менеджмента безопасности и обороны. Инженер по образованию, профессор Тагарев сочетает в себе опыт работы в правительстве с хорошими теоретическими знаниями и опытом в области кибернетики, исследований сложных систем и безопасности – потенциал, который он эффективно реализовал в многочисленных национальных и международных междисциплинарных исследованиях, включая текущие проекты по программе Горизонт 2020 в области кризисного менеджмента и кибербезопасности.

<https://orcid.org/0000-0003-4424-0201>